

Раздел 2. ВЫСТУПЛЕНИЯ ЛАУРЕАТОВ X МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА НА МЕДАЛИ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА

6

Общество травмы как третья модальность развития (опыт междисциплинарного исследования)*

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

Жан Терентьевич Тощенко

Российский государственный гуманитарный университет;
Институт социологии, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН

Мировое развитие на современном этапе столкнулось с феноменом, еще слабо изученным и малоизвестным, который в статье называется обществом травмы. Дело в том, что в мире происходят значительные, значимые и знаковые события, которые невозможно определять и квалифицировать в прежних понятиях «эволюция» и «революция», описывающих и отражающих происходящие изменения. В статье осуществляется попытка доказать, что наряду с основными признанными путями развития – революцией и эволюцией – можно говорить, что в современном мире существует такой специфический феномен, как общество травмы. Показано, как понятие «травма» приобрело социальное звучание и как травма осмысливалась в философской, психологической, политологической и социологической литературе. К обществам травмы автор относит страны, которые длительное время стагнируют в своем развитии или находятся в состоянии рецессии, теряют ранее достигнутые рубежи. Раскрываются существенные характеристики общества травмы, причины его появления, следствия его функционирования. Особое внимание уделяется России, которую, по мнению автора, можно

* Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 18-18-00024).

отнести к травмированным обществам, так как в своем развитии, отринув социалистическое прошлое, она не достигла тех рубежей, от которых начинала свой путь, а осуществляемые преобразования образуют мозаику, в которой трудно/невозможно различить как эволюционные, так и революционные тенденции. В этой связи дается анализ тех препятствий, которые не преодолены для осуществления подлинно демократического, эффективно функционирующего общества. В заключении формулируются предложения по выходу общества из травмированного состояния.

Ключевые слова: цивилизация, революция, эволюция, травма, развитие, социальная трансформация, социальные последствия.

К истории понятия «травма»

Слово «травма» происходит от древнегреческого «рана». В современной медицинской и психиатрической литературе этот термин понимается не только как физическая рана на теле, но и как рана сознания в результате эмоционального шока, который нарушает «осознание времени, себя и мира» (Caruth 1995: 6). Постепенно при изучении травмы стали обращать внимание на ее социальное содержание, как это сделал Ю. Хабермас, когда связал ее с изучением тяжелых форм депрессии, порождаемой кризисом в европейском обществе (Habermas 2001: 58–112).

Современные определения травмы привели к попыткам рассмотреть новую ее трактовку как особое состояние общественных процессов, которые представляют собой неопределенность, деформированность, разноплановость их развития. П. Штомпка употребил это понятие при анализе проблем социально-культурного развития («социальная и культурная травма»). Характеризуя совокупность изменений, происходящих в мире и в большинстве стран, он рассматривает *травмы культуры* как «социальные трансформации», в основе которых лежат «длительные, непредвиденные, отчасти неопределяемые, имеющие непредсказуемый финал процессы, приводимые в движение коллективным агентством (agency) и возникающие в поле структурных опций (ограниченных возможностей действия), унаследованных в результате ранних фаз указанных процессов» (Штомпка 2001: 6–7).

При изучении происходящих в западных обществах потрясений Н. Смелсер определял культурную травму как «захватывающее и подавляющее событие, которое подрывает один или несколько ключевых элементов культуры или культуру в целом» (Smelser 2004: 38). Д. Александер утверждает, что некоторые события в современном мире сами по себе травматичны, то есть являются непосредственными причинами деформирующего эффекта (Alexander, Sztompka 1990). Травматическое воздействие на судьбы народов, их национальное самосознание описал З. Бау-

ман (Bauman 1989). Р. Айерман считает, что некоторые события, как, например, политические убийства, могут создавать условия для появления социальной травмы (Eugeman 2013: 121–138). Социальная трактовка травмы начала использоваться и при анализе других процессов, например, при исследовании проблем коллективной идентичности, включая религиозную и этническую (Eugeman *et al.* 2011).

Что касается отечественных исследователей, то, не употребляя данный термин, о травмирующих аспектах писали в экономике: М. Ф. Делягин (2014), Р. С. Гринберг (2012), в политике: Ю. А. Красин (2003), В. К. Левашов (2015: 31–38), в социальной сфере: М. К. Горшков (2015), в сфере культуры и образования О. Н. Смолин (2015), А. С. Запесоцкий (2014).

На наш взгляд, трактовки происходящих изменений, данных названными авторами, можно расширить до понятия «общества травмы», если иметь в виду противоречивый, турбулентный и деформированный характер современных общественных процессов, когда анализ происходящих изменений в мире и в конкретных обществах имеет огромный смысл с точки зрения объяснения и понимания сущности происходящих преобразований (катастроф). Соглашаясь с объяснениями этого понятия применительно к отдельным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в мировой и отечественной науке, нам хотелось уточнить его применение, предложить иное его объяснение или, вернее, объяснить иной подход – назревшую необходимость применить это к обществу и рассмотреть как травмированное его состояние. К ним никак не могут быть применены прежние классические модальности развития – эволюция и революция. Однако такое представление о прогрессе есть результат слишком большого обобщения и не всегда соответствует реальности: «Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, не диалектично, ненаучно, теоретически неверно» (Ленин 1981: 77).

Обобщая имеющиеся исследования по этой проблеме, прежде чем дать определение социальной травмы, назовем те черты, показатели и индикаторы, которые, на наш взгляд, присущи обществам травмы.

Основная характеристика общества травмы

Напомним, что Организация Объединенных Наций насчитывает в настоящее время 193 государства, хотя их значительно больше в силу полной или частичной непризнанности (Косово, Сомалиленд, Абхазия, Карабах, турецкая часть Кипра). 53 государства из этого числа стран, по данным Всемирного банка, находятся в состоянии глубокой стагнации и/или рецессии. Кроме того, ООН оказывает продовольственную помощь 80 странам, спасая население от голода. Иначе говоря, почти каждая четвертая

страна в мире переживает длительный период неэффективного существования. Что это за страны?

Во-первых, травмы в ряде обществ начинались с насильственного свержения существующего политического режима и соответствующих институтов управления в силу военного вмешательства (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия). Вмешательство внешних сил в этих странах привело к тому, что они не вышли из полосы постоянных кровопролитных междоусобиц, не говоря уже о том, что в экономическом развитии, в социальной защищенности и гарантированности жизни людей они не только не добились успехов, а наоборот, произошла деградация всех без исключения сфер общества.

Во-вторых, обществами травмы становились страны в результате цветных революций, бездарного управления, не решившие и не ответившие на объективные потребности общественного развития, что привело к внутренним катаклизмам (Украина, Грузия, Молдова, Киргизия). Все произошедшие в них потрясения проходили под лозунгом неотложности кардинальных изменений, при декларировании необходимости серьезных сдвигов/преобразований в экономике и социальной сфере, обещании добиться достойной жизни людей и их благополучия. Данные лозунги сдобривались посулами поднять на более высокий уровень соблюдение прав и свобод человека. Однако эти страны со времени провозглашения своей независимости потеряли даже то, что они имели до распада СССР.

В-третьих, в ряде стран (Зимбабве, Чад, Центрально-Африканская Республика) произошли нарушение логики социально-экономического и политического развития, отказ от продолжения ранее накопленного опыта, вследствие чего они очутились в пучине непрерывных экономических кризисов, социальной и политической нестабильности.

В-четвертых, обществами травмы становились и ранее успешно развивавшиеся страны, но по тем или иным причинам утратившие темпы развития. Парадоксально развитие Филиппин, которые еще в 1960-е гг. были образцом для всех соседей, а потом превратились в страдающее от экономических язв и социальных конфликтов государство.

И наконец, к обществу травмы следует отнести и Россию, которая в результате турбулентного развития по прошествии трех десятилетий не достигла тех социально-экономических показателей, которыми обладала РСФСР в 1990 г. перед распадом СССР.

Иначе говоря, все названные страны не решили кардинальную задачу – достичь более достойных рубежей, добиться позиций, диктуемых современной информационной эпохой, обеспечить благосостояние населения не столько на уровне высокоразвитых держав, сколько по сравнению с тем, что имели люди до катастрофических изменений в этих странах. Эта катастрофа в развитии еще более очевидна, если сравнить с тем, что подоб-

ную задачу решали – и успешно, а главное, в течение нескольких лет – как капиталистические (Сингапур, Малайзия, Южная Корея), так и социалистические государства (Китай, Вьетнам) (Тощенко 2020).

Причины появления общества травмы

Общество травмы характеризуется комплексом черт, которые резко и отчетливо отделяют его от революционных преобразований или поступательных эволюционных изменений.

Прежде всего, *у общества травмы отсутствует четкая и ясная стратегия и понимание перспектив развития*. Намеченные преобразования сводятся к тому, чтобы ориентироваться на решение отдельных проблем, иногда с учетом опыта других стран (так это было в Грузии, Молдове, а теперь на Украине), или к выполнению навязанных рецептов без учета национальной специфики (опыт Афганистана, Ирака, Ливии), причем нередко в рамках политики экономического и военного давления. Что касается России, до сих пор остается невыясненным и неопределенным вопрос, какое же общество в ней строится (см.: Бузгалин, Колганов 2015). Обсуждалось немало рецептов, но они сводились в основном к тому, чтобы отказаться от прошлого социалистического пути развития, воспользоваться рекомендациями, основанными на опыте других стран, или просто некими теоретически умозрительными конструкциями вроде положений чикагской школы, на выводы которой уповали российские либералы. Немало было доморощенных предложений, которые основаны скорее на фантазиях, чем на научно обоснованных программах развития.

В результате *в обществах травмы происходит потеря и даже откат от тех рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития*. Более того, можно говорить о деградации, которая отбросила эти страны от достигнутого уровня. Это касается и Ирака, и Ливии, и Афганистана, и Сирии, у которых ныне существующая экономика представляет разрушенные отрасли национального хозяйства. Такая ситуация присуща и современной России. Речь идет не только о потере темпов экономического развития, но о потере ранее достигнутого и до сих пор не восстановленного. Имеется факт, что за период гайдаровских реформ в 1990-е гг. народное хозяйство страны потеряло больше, чем за годы Великой Отечественной войны. Мало что исправили и 2000-е гг. Именно отсутствие грамотной экономической стратегии в России привело к тому, что если 25 лет назад ВВП нашей страны втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе Китай превосходит РФ по этому показателю в шесть раз (цит. по: Московский... 2016: 13).

Отсутствие стратегии развития *в обществах травмы* связано с тем, что в них *нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых «коллективным агентством»* (Штопка 2001: 7), которые

осуществляли бы руководство желаемыми преобразованиями посредством четкой, продуманной программы действий, опирающейся на объективные законы развития. Имея доступ к фонду структурных и культурных ресурсов, официальные органы власти, не имея стратегии развития, в то же время осуществляют импульсивные действия, которые нередко похожи на имитацию деятельности. В результате модель развития современной России «можно представить в виде велосипеда, в котором руль – социалистический, а педали – капиталистические» (Лившиц 2013: 202).

Для обществ травмы характерна конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть, поскольку политическая власть рассматривается как источник доходов, оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынке (Гринберг 2012). Непонятная для населения ситуация в экономическом развитии, порожденная в России бесплодным и разрушающим воздействием либеральной политики, привела к отстранению большинства россиян от участия в работе государственных и общественных организаций: 80,3 % не состоят ни в одной общественной организации, 93,7 % считают, что они никак не влияют на принятие государственных решений (Жизненный... 2016: 356–357).

Именно в этом контексте возникает *вопрос о государственной идеологии*, которая наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками формулировала бы перспективы развития с учетом глубинных интересов населения. А пока преобладают, с одной стороны, утверждения, что не может быть государственной идеологии, со ссылкой на Конституцию РФ, с другой стороны, постоянное повторение общих деклараций о необходимости демократического общества, абсолютно лишенных конкретики и понятных большинству людей. В результате в России сложился политический режим, который ряд авторов определяют как неидеологический (Гаман-Голутвина 2006: 15). Справедливо замечание, что *в стране вместо формирования национально-государственной идентичности существует стихийный поиск путей трансформации этнического, регионального и локального самосознания*, который, при всей их важности, не может заменить идеологические ориентиры, идею о сплочении народа. При этом полностью игнорируется исторический опыт, тот факт, что ни одно из существовавших и существующих государств не обходится без официальной идеологии при признании возможности одновременного существования других мировоззренческих ориентаций. Попытки сформулировать национальную идею ничем не оканчивались, так как они отражали гипотетические представления отдельных представителей правящих слоев России или предложения некоторых научных работников, но не чаяния и устремления народа.

В обществах травмы правящие круги не учитывают (игнорируют) или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, то,

что было накоплено странами в их историческом развитии. Так, в российском обществе полностью и безапелляционно отвергнут опыт не только советского, но и предшествующего исторического прошлого, исходя из заведомо пагубной установки – в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было. В результате экономическая и социальная жизнь находится в состоянии краха: потеряна основная часть высокотехнологических производств – в космической индустрии, машиностроении, авиационной промышленности, авиастроении. К примеру, если в 1990 г. в стране было выпущено 74,2 тыс. металлорежущих станков, которые закупались даже ФРГ, то в 2014 г. их было произведено всего 2,7 тыс. Станков ткацких – соответственно 18 300 и 79. В сельском хозяйстве бездумно распущены даже эффективно функционирующие колхозы и совхозы, потеряны многие успешно развивающиеся хозяйства. В 2014 г. в сельскохозяйственных организациях насчитывалось 247,3 тыс. тракторов (в 1990 г. – 1345,6 тыс.), комбайнов соответственно 64,6 тыс. и 407,8 тыс., свеклоуборочных машин – 2,4 тыс. и 25,3 тыс. Подобные сравнения можно продолжить (Узун, Шагайда 2015).

Что касается гипертрофирования национальных особенностей, то этот путь наиболее наглядно демонстрирует национально-государственное строительство на Украине. «Стимулирование этнополитической конфликтности и продвижение идеологии и системы ценностей, разделяющих этносы и нации по их отношению к свободе, демократии и процветанию, оказывается одной из ключевых составляющих» в «общей стратегии хаотизации социального субстрата неконсолидированных режимов» (Лапкин 2016: 61).

Но особое значение приобретает тот факт, что *в обществах травмы произошел ничем не оправданный и необъяснимый с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства*. По данным *Global Wealth Report*, на долю 1 % самых богатых россиян приходится 71 % всех личных активов в России. Для сравнения: в таких крупных странах, как Индия и Индонезия, этот показатель равен соответственно 49 % и 46 %. В США он равен 37 %, в Китае – 32 %, в Японии – 17 %. Во всем мире этот показатель равен 46 %, в Европе – 32 %. Кроме того, Россия лидирует в мире и по доле самых состоятельных 5 % населения, которым принадлежит 82,5 % всего богатства страны, и по доле 10 % самых состоятельных граждан, владеющих 87,6 % такого же богатства. А если взять такой показатель, как богатство миллиардеров, то российские миллиардеры владеют 30 % всех личных активов российских граждан. В среднем во всем мире миллиардеры владеют лишь 2 % всех личных активов, в Китае им принадлежит только 1–2 %, в США, где имеется 400 миллиардеров, их доля составляет лишь 7 % от суммарного богатства всех американцев. К этому можно добавить и следующую информацию: в условиях падения реальных доходов россиян в 2019 г. доходы 10 самых

богатых семей по сравнению с предыдущим годом выросли на 40 % – с 18 млрд долларов до 25 млрд долларов.

Из этих данных понятно, в чьих интересах, для чьей выгоды совершен государственный переворот (а не революция), который не только изменил общественно-политический уклад страны, но и разрушил саму страну, и не только ее экономику, но и тот уровень социального равенства, при котором жило население страны, называемой Советским Союзом. В этой ситуации проблема власти состоит в том, как поступать: ведь обществу известно, что крупнейшие состояния заработаны или приобретены несправедливо и что для выравнивания требуются сверхвысокие налоги на получаемые доходы и богатство. Очевидно, что без определенных форм принуждения ситуацию изменить нельзя. Но насильственный подход вряд ли целесообразен, ибо проблема состоит в том, что план по потрясениям и революциям Россия не только выполнила, но и перевыполнила. Однако ждать эволюционного, постепенного развития (а вдруг рассосется) вряд ли целесообразно. *В этих условиях требуется политическая воля, поворот экономической политики в русло, по которому построено сравнительно справедливое общество, как, например, в Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, в которых налог на прибыль составляет от 40 до 65 %.* В этих условиях обществу непонятно, почему не устраняется экономический блок правительства, который в несколько иных вариантах продолжает ельцинско-гайдаровские реформы, несмотря на тот факт, что их осуществление более чем за четверть века не только не привело к росту, но и не позволило еще достичь тех рубежей в экономике, которыми владела страна в 1990 г. Примечательно в этом плане признание одного из инициаторов рыночных преобразований, одного из прорабов перестройки, бывшего мэра Москвы Г. Попова: «За ельцинское десятилетие никакого подлинного рынка и подлинной конкуренции как движущих сил экономики в России не появилось. Появился Черкизон Тельмана Исмаилова. Никакого подъема экономики не было. Масштабного роста благосостояния масс не было» (Попов 2015: 16).

Постепенно большинство в лице общественного сознания подошло к выводу, что прозападную либеральную политику следует завершать.

Деформированные процессы, отражающие травму общества, а не революционный и не эволюционный путь развития, происходят и в политической сфере. Демагогия вокруг слов «демократия», «свобода», «права человека» никак не коррелирует с реальной действительностью и насущными устремлениями (желаниями) людей. До сих пор актуальны слова крупнейшего социолога мира П. А. Сорокина: «Государства и страны останутся столь же эгоистичными, хищническими, как и раньше – уверовавшие, что распространение демократических форм правления изменит это,

забывают, что так называемые демократии прошлого и настоящего столь же империалистичны, как и автократии» (Сорокин 1999: 9).

Деформация политики проявилась и в том, что Б. Ельцин избрал путь ведомого, путь отказа от великодержавности. Россия постепенно скатывалась к государству, с которым почти все страны перестали считаться или даже стали помывать и требовать всевозможных уступок, соглашений. Потребовалось время, чтобы политика В. Путина начала преодолевать этот синдром покорности, безотчетного подчинения всему тому, чего желали США и страны Европейского союза. И что знаменательно – возвращение к признанию значимости России в современном мире происходит при практически единодушной поддержке населения этого нового внешнеполитического курса. По данным Всероссийского исследования «Жизненный мир россиян» (РГГУ, 25–30 октября 2014 г., 18 регионов страны, 1750 человек с учетом репрезентативной выборки по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, формам собственности и трудовому стажу), 47,2 % заявили, что они хотели бы возврата России к статусу великой державы наряду с 63,2 % желающих, чтобы в стране соблюдались справедливость, равные права для всех (Жизненный... 2016: 364).

Травму российскому обществу нанесли те группы, которые находились во власти и захватили большинство СМИ. Большинство представителей этих групп, которые по недоразумению называют элитой, страдали патологической ненавистью ко всему советскому, требовали и до сих пор требуют политики десоветизации, «декоммунизации» и даже «дерусификации». По их мнению, ничего светлого, приемлемого, достойного в период существования Советского Союза не было. Поэтому долой все – и Госплан (притом что плановые органы существуют во многих странах Западной Европы), и государственную собственность, и само государство (ему отводится роль «ночного сторожа»). Но поскольку они были неспособны осуществить стратегические задачи, их усилия сосредотачивалось, к примеру, на таких «подвигах», как переименование центральных улиц Москвы: Пушкинской – в Большую Дмитровку, ул. Чехова – в Малую Дмитровку (как будто великие русские писатели не заслужили такого признания). Но для либеральных радикалов важно было то, что когда-то эту улицу заложил боярин Димитрий. Кроме того, суть этого «принципиального» поступка состояла в том, что улицы так называли при советской власти, поэтому такое решение непременно надо стереть. Эта позорная мелочность проявлялась буквально во всем – в переименовании органов политической власти, в подражании Западу (введение должности «мэр», а почему не «городской голова», «староста?»), в переходе в образовании на так называемую Болонскую систему и т. д. и т. п.

Именно общество травмы в России породило тот феномен, который с полным основанием можно назвать фантомными ликами, руководство-

вавшихся в своих действиях только такими ориентациями – иметь капитал, быть при власти и в центре общественного внимания (подробнее см.: Делягин 2014: 19–23; Тощенко 2015).

При трактовке происходящих процессов с позиций двух основных характеристик направлений развития – «революция» и «эволюция» – все же невозможно охватить и объяснить все многообразие реальных, но своеобразных процессов и событий. Поэтому, на наш взгляд, нужно использовать понятие «травма» как специфический, промежуточный вариант между названными путями развития.

Таким образом, обобщая сказанное выше, укажем, что травма общества – длительное состояние неопределенности его развития, характеризующееся глубинной деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющее непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные творческие силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

Социальные последствия в травмированном обществе

Во всех вышеназванных странах с учетом особенностей каждой из них произошли *дезорIENTATION и дезорганизация* общественной жизни. Практически ни в одной не было выдвинуто ясной отчетливой долгосрочной программы преобразования государственной и общественной жизни. Очевидно, что после турбулентных событий в каждой из них в конце XX – начале XXI в. после ожидания позитивных сдвигов происходили нежелательные, неприемлемые для населения негативные изменения – расхищение национального богатства и сосредоточение его в руках сравнительно небольшой группы лиц, рост коррупции, безработица, раскол общества на бедных и богатых, приоритет наживы, потеря возможности социальной защиты, несоблюдение принципов справедливости. Общественному сознанию в этих странах, в том числе и в России, была нанесена колоссальная травма, ибо в этой ситуации произошла потеря прежних ориентиров, а новые не могли сформироваться (Линецкий 2016: 152–170; Сомов 2015: 12–20).

В данной ситуации реальные процессы, происходящие в общественном сознании в этих странах, демонстрируют еще одну важную его травмирующую особенность: оно становится *конфликтным*, остро, но не всегда адекватно реагирующим на происходящее в жизни. После провозглашенных реформ россияне долгие годы жили ожиданием того, что коррупционные и другие негативные процессы будут обузданы, что перемены обя-

зательно сделают жизнь лучше. Но шли годы, и вместо позитивных сдвигов они получили не только консервацию прошлого, но и оскорбительную для них ситуацию, сопровождающуюся обогащением причастных к власти людей и массовым обнищанием народа. Тем самым создаются условия, чтобы пассивное ожидание перемен перерастало в активный общественный протест, который далеко не всегда приводит к власти силы, ратующие за интересы народа.

Тревожность людей в обществах травмы имеет под собой основу, ибо они убеждены, что как ранее существовавшая, так и существующая политическая власть не отражает позиции большей части населения, а ориентируется на интересы двух групп – государственной бюрократии и богатых слоев. Такая оценка привела к уменьшению доверия к политическому строю и основным политическим институтам. Анализ данных показывает, что травма начинается с негативной оценки деятельности политического руководства, многократно превышающей процент позитивных оценок (Федоров 2010).

В политических концепциях есть такая аксиома: *«Народ нельзя обмануть. Если же это случается, то ненадолго»*. Посулы цветных или иных революций обычно сначала встречаются с одобрением и вдохновением (большинство признает, что «так жить нельзя»). Но вскоре люди осознают порочность и гибельность предложенных преобразований, что приводит к политической смерти многих «творцов» реформ. Это особенно наглядно проявляется по отношению к судьбе Советского Союза. И поныне более двух третей (около 65 %) населения сожалеет о распаде Советского Союза (напомним, что в марте 1991 г. на всесоюзном референдуме 73 % считали, что его надо сохранить).

Общественному сознанию в травмированных странах во все большей степени становится присуща и такая характеристика, как *критичность, вплоть до непримиримости к иным взглядам и идеям*. Люди не желают мириться с бедностью, просчетами, коррупцией, хищениями, преступностью, существование которых многие политики пытаются объяснить объективными причинами. В этих условиях продолжает оставаться высоким уровень отвержения осуществленных и предлагаемых преобразований в экономической и социальной жизни. При восхвалении и оправдании псевдорыночных преобразований, при торжестве коррупционных схем и теневых (криминальных) социальных практик не уменьшаются и даже растут негативные оценки социально-экономической ситуации, ее последствий для общественной и личной жизни. Применительно к России это раскрыто во многих социологических исследованиях, показавших рост аномии при потере мировоззренческих ориентаций (Прекариат... 2020).

Травма наносится и потому, что ожидания при начале обещанных реформ в реальности не оправдались. Анализ положения в названных трав-

мированных странах показывает, что складывается весьма противоречивая, парадоксальная картина. С одной стороны, на первых этапах происходит рост доверия к некоторым обещаниям и даже намечающимся преобразованиям. С другой стороны, постепенно ухудшались оценки этих изменений с точки зрения влияния этих же параметров на жизнь людей. Особенно поразительно то, что по ряду показателей безработица и уровень благосостояния практически не только не изменились, а даже ухудшились. Исследователями отмечается увеличение нищеты и бедности после так называемых революций и в Ираке, и в Ливии, не говоря уже об Афганистане и ряде новых независимых государств – Украине, Грузии, Молдове, Киргизии.

Эти данные характеризуют еще одну *особенность травмы общества – несовпадение интересов, ожиданий и суждений с результатами происшедших потрясений и изменений, с пониманием того, насколько они не коррелируют с официальными заявлениями, с осуществляемыми преобразованиями*. Травма общества проявляется и в том, что в общественном сознании растут сумятица, парадоксальность поведения, которая позволяет людям переходить с одной позиции на другую, даже под воздействием и влиянием случайных обстоятельств. Причем, несмотря на разнообразие мировоззренческих убеждений, у всех людей есть надежда на устраивающую их стабильную жизнь в своей стране и на позитивную оценку перспектив развития. Это наглядно демонстрирует анализ мироощущения людей как по основополагающим проблемам, так и по проблемам повседневной жизни, которыми они руководствуются при принятии решений как текущего, так и перспективного характера (Горшков 2015; Левашов 2015: 31–38).

Среди травмирующих составляющих общественного сознания в этих странах следует отметить еще и тот факт, что продуктом систематического обмана, резко изменившихся условий жизни стали такие черты общественного сознания и социальных практик, которые невозможно игнорировать при оценке их состояния и тенденций, – *увеличение влияния изоляционизма и национализма, уменьшение влияния гуманизма и терпимости*.

Анализ травм общественного развития позволяет сделать еще один вывод – в этих противоречивых, турбулентных условиях резко увеличивают свой вес и свое воздействие на общество различные амбициозные и реваншистские силы, рвущиеся к власти, для которых два основных ориентира – рынок и демократия – являются лишь прикрытием для достижения эгоистических групповых целей. Для этого используются различного рода утверждения вроде того, что делал Д. А. Медведев во время своего премьерства, апеллируя к авторитету Й. Шумпетера и заявляя, что Россия «переживает очередной этап созидательного (!) разрушения».

Где же выход?

Таким образом, особую значимость и четкую определенность среди новых явлений на современном этапе приобрела такая черта в жизни ряда стран, в том числе и России, как их травмированность, выражающаяся в расколе, раздвоении, противоречивости и конфликтности развития. В то же время несомненно, что общества травмы не могут быть вечными – при определенных обстоятельствах они должны выйти из этого кризиса.

Каким он видится в применении к России?

В 1990-е – 2000-е гг. неоднократно предпринимались шаги по выходу на новые рубежи экономического и социального развития. Сначала это была приватизация с ее спутниками – девальвацией рубля, залоговыми аукционами, созданием олигархического капитализма, что привело к полнейшему разгрому национального хозяйства. Затем были проекты развития здравоохранения, сельского хозяйства, образования, провозглашенные Д. Медведевым в бытность его премьер-министром, но оказавшиеся несостоятельными и теперь всеми забытыми. Потом были четыре И – Институты, Инфраструктура, Инновации и Инвестиции, которые также ничего не дали стране. В рамках этих амбициозных проектов был создан дорогостоящий проект «Сколково», который, по мнению президента Сибирского отделения РАН Н. Агеева, является «мраморной телефонной трубкой в руках старика Хоттабыча», а по мнению профессора Л. Грэма – дорогостоящим, сомнительным актом, от которого «скорее всего выиграют западные компании» (Грэм 2016).

Для выхода из травмированного состояния необходимо, чтобы «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни... <были> не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» (Сорокин 1999: 7).

Лорен Грэм, профессор Массачусетского технологического института, выступая на Петербургском экономическом форуме в мае 2016 г., образно сформулировал парадоксальное состояние современной России: «Вам нужно молоко без коровы». Он предлагал то же самое, что и П. А. Сорокин: нужно раскрепощение созидательных сил не только бизнеса, но и творческого потенциала возможно большего количества людей, которые олицетворяют «научный гений русских», а также социальные реформы, которые не только бы удовлетворяли потребности народа, но и подпитывали новые технологии в экономике (Грэм 2016). Иначе говоря, в этих суждениях выражена суть исходной базы успешных преобразований, позволяющих выйти из травмированного состояния – решение социальных проблем, которые благотворно скажутся на решении как экономических, так и политических проблем.

Реакцией на практически единодушное мнение экспертного общества (да и не только его) о необходимости коренной смены экономического

курса правительства стал недавний акт президента России, решившего создать альтернативный Совету стратегических исследований под руководством А. Кудрина другой совет по выработке (подготовке) проекта нового социально-экономического курса страны.

Все это позволяет сделать вывод, что травмированность общества и в обществе возникают тогда, когда появляется форма дезорганизации, смещения, несогласованности в экономической, социальной и политической жизни, иными словами, когда контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность, надеясь другим, даже противоположным смыслом.

Библиография

- Бузгалин А. В. Колганов А. Н. 2015. *Глобальный капитал*: в 2 т. Т. 1. М.: URSS.
- Гаман-Голутвина О. В. 2006. *Политические элиты России: веки исторической эволюции*. М.: РОССПЭН.
- Горшков М. К. 2015. *Российское общество и вызовы времени*. М.: Новый Хронограф.
- Гринберг Р. С. 2012. О новой «большой приватизации» и прочих «непопулярных реформах». *Российский экономический журнал* 3: 27–32.
- Грэм Л. 2016. Россия может предложить великие идеи, но не в состоянии ими воспользоваться. *Новая газета* 25 июля.
- Делягин М. 2014. Крах оптимистических иллюзий и отправной пункт экономического оздоровления. *Российский экономический журнал* 1: 19–23.
- Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Ред. Ж. Т. Тощенко. 2016. М.: Центр социол. исследований.
- Запесоцкий А. С. 2014. *Культура: взгляд из России*. СПб.: СПбГУП.
- Красин Ю. А. 2003. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. *Политические исследования* 4: 114–124.
- Лапкин В. В. 2016. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе. *Политические исследования* 4: 54–64.
- Левашов В. К. 2015. Реформы и кризисы: тридцать лет спустя. *Социологические исследования* 10: 31–38.
- Ленин В. И. 1981. О брошюре Юниуса. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.*: в 55 т. 5-е изд. Т. 30, с. 1–16. М.: Политиздат.
- Лившиц В. Н. 2013. *Системный анализ рыночного реформирования нестационарной экономики России: 1992–2013*. М.: USSR.
- Линецкий А. И. 2016. Механизм воздействия политических институтов на ход экономического развития. *Политические исследования* 2: 152–170.
- Лукин А. В., Лукин П. В. 2015. *Умом Россию понимать*. М.: Весь мир.

- Московский** экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше? 2016. *Предпринимательство* 2: 6–23.
- Попов Г.** 2015. 250 лет на службе Отечества. *Предпринимательство* 6: 15–39.
- Прекариат:** становление нового класса: коллективная монография / Ред. Ж. Т. Гощенко. 2020. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Смолин О. Н.** 2015. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? *Социологические исследования* 6: 91–101.
- Сомов В. А.** 2015. Феномен советскости: историко-культурный аспект. *Социологические исследования* 2: 12–20.
- Сорокин П. А.** 1999. Условия и перспективы мира без войны. *Социологические исследования* 5: 3–12.
- Тощенко Ж. Т.** 2015. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.
- Тощенко Ж. Т.** 2020. *Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*. М.: Весь мир.
- Узун В. Я., Шагайда Н. И.** 2015. *Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты*. М.: Дело.
- Федоров В. В.** 2010. *Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения*. М.: Практис.
- Штомпка П.** 2001. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования* 1: 6–16.
- Alexander J. C., Sztompka P. (Eds.)** 1990. *Rethinking Progress: Movements, Forces and Ideas of the End of the 20th Century*. London: Routledge.
- Bauman Z.** 1989. *Modernity and the Holocaust*. Ithaca: Cornell University Press.
- Caruth C.** 1995. *Trauma. Explorations in Memory*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- Eyerman R.** 2013. Social Theory and Trauma. *Acta Sociologica* 12(1): 121–138.
- Eyerman R., Alexander J., Breese Narrating E. B.** 2011. *Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering*. Boulder: Paradigm Publisher.
- Habermas J.** 2001. The Post-National Constellation and the Future Democracy. *The Post-National Constellation: Political Essays* / Ed. by M. Pensky, pp. 58–112. Cambridge MA: MIT Press.
- Smelser N. J.** 2004. Psychological Trauma and Cultural Trauma. In Alexander J. C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N. J., Sztompka P. *Cultural Trauma and Collective Identity*, pp. 31–59. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.